

СЛОВО

въ пятокъ четвертой седмицы великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ ¹⁾).

(О воспитаніи христіанскаго настроенія, какъ руководящаго начала жизни),

„Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ (Фил. II, 5)“.

„Аще кто духа Христова не имать, сей нѣсть егоъ (Римл. VIII, 9)“.

Мы собрались въ святой храмъ сей поклониться страданіямъ за насъ Господа и Спаса нашего; мы пришли сюда напитать душу свою слушаніемъ трогательной евангельской исторіи о крестныхъ мученіяхъ, понесенныхъ за насъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ. Доброе дѣло сдѣлали мы, возлюбленные братіе и сестры! Пожить хоть нѣсколько часовъ, хоть нѣсколько минутъ высокими, святыми чувствами; хоть здѣсь, подь сѣнію Дома Божія перенестись въ область таинственныхъ и чистыхъ переживаній и созерцаній; хоть здѣсь, хоть на время оторваться отъ тѣхъ мелкихъ, узкихъ, ничтожныхъ, земныхъ интересовъ, коими всегда наполнена жизнь наша—что можетъ быть важнѣе, полезнѣе и благодѣтельнѣе для насъ? Вѣдь только здѣсь, въ этой умиляющей

---

¹⁾ Произнесено въ Великой церкви Кіево-Вратскаго монастыря 27 февраля 1915 года.

душу церковной обстановкѣ, только здѣсь, подѣ влияніемъ чувствъ, нами переживаемыхъ, мы можемъ углубиться въ себя и въ свою собственную жизнь; только здѣсь мы можемъ во всей ясности и во всей глубинѣ ощутить ту неизмѣримую бездну, какая лежитъ между нашей жизнью и тѣми высокими христіанскими идеалами, какіе должны мы имѣть сей осуществлять, дабы стать достойными великихъ плодовъ Голгоетской Жертвы. Велика, братіе, эта бездна, но въ обшденной жизни мы не сознаемъ ея, по крайней мѣрѣ, немногіе изъ насъ сознаютъ. Занятые своими мелкими повседневными заботами, отягченные ничтожными земными пожеланіями, влечемъ мы потокомъ времени по бурному морю испытательскому, чередуя въ своей жизни горе и радость, смѣхъ и слезы, надежды и разочарованія, гоняясь за призраками немногого счастья,—и намъ кажется, что и великое дѣло христіанской жизни идетъ у насъ самымъ нормальнымъ порядкомъ. И дѣйствительно, съ внѣшней стороны, у насъ какъ будто все обстоитъ благополучно.

Мы и въ церковь ходимъ, и о благолѣпіи храмовъ Божіимъ ревнуемъ, мы и свѣчи предъ св. иконами ставимъ, и лампады возжигаемъ, каждый годъ говѣемъ и Св. Таинствъ приобщаемся, и къ Господу Богу съ мольбой обращаемся, имѣемъ особенности, когда бѣды и напасти изливаются на насъ; когда скорби и страданія обуреваютъ насъ; мы и копеечку нищому подадимъ, и ближнему въ горѣ посочувствуемъ; променамъ, пожалуй, и голоднаго накормимъ, и нагого одѣдимъ, а если этого послѣдняго не сдѣлаемъ мы лично, то, вѣдь, у насъ есть благотворительныя общества, у насъ есть благотѣлныя, дома призрѣнія и дома трудолюбія, на которые мы по даромъ указываемъ, какъ на осязательные плоды нашей христіанственности. Да, слава Богу, все это въ нашей жизни есть: девятнадцативѣковое влияние христіанства на жизнь человѣчества не прошло безплодно. Но все ли это, и достаточно ли, дѣйствительно, сходитъ разъ въ недѣлю, а то

XXXII ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

и въ мѣсяць—въ церковь, да сдѣлать два-три добрыхъ дѣла, чтобы считать себя имѣющимъ полное право на высокое и почетное званіе христіанина, чтобы на этомъ и успокоиться, и жить той безпечной жизнью отъ сегодня до завтра, какой живетъ обычно большинство изъ насъ? О, нѣтъ, братіе! Мы глубоко заблуждаемся, если думаемъ такъ. Слишкомъ ужь легко бы было тогда носить званіе христіанина, слишкомъ мало бы было это со стороны человѣка по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано для спасенія людей Сыномъ Божиимъ! Мы забываемъ, что христіанство, какъ религія духа и жизни, требуетъ отъ насъ, чтобы христіанственность наша проявлялась не во внѣшнихъ подвигахъ только, а прежде всего была насаждена въ самой душѣ нашей, чтобы не по внѣшнимъ проявленіямъ только мы были христіанами; а и по сердцу своему, по общему настроенію своему. О созданіи въ себѣ этого христіанскаго настроенія, какъ главной руководящей силы нашей жизни, какъ главнаго источника, изъ котораго брали бы начало все наши благія начинанія, о видреніи въ сердцѣ своемъ „духа Христова“ мы прежде всего и должны заботиться. „Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ“, говоритъ намъ Святой Апостолъ языковъ. Это значитъ, братіе, что въ нашемъ сердцѣ должны жить тѣ же чувства, какія жили и въ душѣ Спасителя нашего: это значитъ, что образъ Христа долженъ являться для насъ въ жизни путеводной звѣздой, какъ высшій, недосягаемый, но допускающій степени приближенія идеаль; это значитъ, что этимъ Образомъ должна освѣщаться и предъ лицомъ Его проходить вся жизнь наша, все мысли, чувства и желанія наши; это значитъ, что мы должны сердцемъ ощущать Христа даже тогда, когда мы совершаемъ и земныя свои дѣла. Вотъ что значитъ быть христіаниномъ не по имени только, а и по внутреннему настроенію. Трудно это дѣло, братіе. Слишкомъ нечиста уже храмна души нашей, слишкомъ много въ ней грѣховнаго и порочнаго, слишкомъ много внутренней ра-

боты намъ предстоить, чтобы достойно принять въ себя до-
 рогого Божественнаго Гостя—Христа. Потому то мы, можетъ
 быть, такъ легко и забываемъ эту свою прямую христіан-
 скую обязанность и ищемъ для себя болѣе удобныхъ и лег-
 кихъ путей, потомуто мы и ограничиваемся вѣшнимъ
 исполненіемъ христіанскихъ обязанностей, а надъ воспита-
 ніемъ въ душѣ своей христіанскаго настроенія нисколько не
 работаемъ. Но оттого то такъ и малоплодны всѣ наши ре-
 лигіозныя упражненія, оттого то такъ неглубоки и мимо-
 летны наши высокіе порывы, оттого то такъ и бѣдны мы
 христіанскими добродѣтелями, зато, наоборотъ, такъ богаты
 духовными недугами. Нельзя ожидать большой пользы тамъ,
 гдѣ все дѣло ограничивается одной вѣшностью: не можетъ
 быть обильнаго плода въ томъ, что совершается безъ души,
 что не связано съ внутренней потребностью сердца, что
 нилется въ жизни человѣка какимъ то вѣшнымъ, случай-
 нымъ придаткомъ. И этотъ законъ заявляетъ себя въ на-
 шей жизни со всею силой. Казалось бы, напримѣръ, гдѣ
 легче не въ храмѣ Божіемъ жить намъ всей полнотой на-
 шего христіанскаго настроенія. Это торжественное бого-
 служеніе, эти умирительныя пѣснопѣнія и молитвы, эти
 иконы св. иконъ, на насъ взирающіе, эти свѣчи, отъ пло-
 вильнаго труда нашего возженныя, эти лампы, тихимъ свѣ-
 томъ мерцающія, этотъ дымъ кадильный, къ небу иду-
 щій,—все, казалось бы, должно располагать насъ къ то-
 му, чтобы, приходя сюда, мы совершенно забывали о всемъ,
 что оставили тамъ, за стѣнами храма; чтобы всей душой
 уходили мы отъ земнаго къ небесному, отъ суетнаго и тлѣн-
 наго къ вѣчному и нетлѣнному. Но у многихъ ли изъ насъ
 творится сердце чистыми восторгами даже здѣсь, въ этой
 обстановкѣ? Увы, братіе! Въ большинствѣ случаевъ, мы сто-
 имъ въ храмѣ Божіемъ, какъ бы исполняя какую-то тяжелую
 обязанность, какъ привычное, неинтересное для насъ дѣло,
 стоимъ, холодные и равнодушные почти ко всему, что здѣсь

XXXIV ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

совершается, глухіе ко всему, что здѣсь предлагается: и здѣсь душа наша земными думами овладѣвается, и здѣсь сердце наше мірскими чувствами обуреваются. Рѣдко, рѣдко вспыхнуть въ насъ здѣсь высокія чувства, вспыхнуть, но сейчасъ же и замрутъ, замрутъ тутъ же въ церкви; во всякомъ случаѣ, рѣдко доносимъ мы ихъ до ограды церковной; и возвращаемся мы въ домъ свой такими же, какими и пришли. Очевидно, братіе, то „земное“, „мірское“ настроеніе, которое царитъ въ нашей жизни, превозмогаетъ въ насъ то, къ которому зоветъ святой храмъ; и эта побѣда дается ему очень легко, ибо на сторонѣ его и наше сердце, и наша воля. Мы привыкли въ жизни къ этому настроенію, подъ вліяніемъ его мы всегда живемъ, объ ограниченіи его и подчиненіи высшему христіанскому настроенію не заботимся,—его приносимъ мы съ собой и въ храмъ, съ нимъ же и возвращаемся въ жизнь. Впрочемъ, есть одна пора въ нашей жизни, когда мы какъ будто становимся внимательнѣе къ внутреннимъ переживаніямъ своей души, когда мы, какъ будто дѣйствительно, заботимся о господствѣ въ насъ христіанскаго настроенія. Это—то время, когда мы говѣемъ и готовимся къ принятію Св. Таинъ. Мы становимся тогда значительно лучше, мы способны тогда даже слѣдить за собой, даже судить себя и не только за дурныя дѣла, но и за грѣховныя помыслы. Но, во первыхъ, такъ относятся къ дѣлу покаянія только лучшіе изъ насъ; а мало ли среди насъ такихъ, кто даже къ этому таинству приступаетъ безъ всякой внутренней работы надъ собой, какъ то же къ какой-то тяжелой обязанности, или какъ къ какому-то магическому акту, одного совершенія котораго достаточно, чтобы можно было о немъ тотчасъ же позабыть? А, во вторыхъ, если во время говѣнія мы и совершаемъ подвигъ бдѣнія надъ собой, то надолго ли хватаетъ у насъ этой бдительности? „Отговѣлись“ мы, какъ обычно у насъ говорятъ,—(о, сколько бездушія въ этомъ словѣ, какъ оскорбительно оно для святѣйшаго изъ таинствъ!), прошелъ день,

много два,—и о нашей бдительности и́тъ уже и помину: мы снова „чада земли“, снова „сыны тлѣнія“, и съ изумительной точностью дѣлаемъ опять все то же, въ чемъ только что, и можемъ быть искренно, раскаялись, и освободиться отъ чего, можемъ быть, въ моментъ покаянія всей душой желали. Отчего же это, братіе? Отчего?! Да не оттого ли, что тотъ покаянный процессъ, который совершается въ насъ во время живія, есть дѣло—необычное для насъ; что тотъ судъ надъ грѣхой, къ которому тогда мы способны звать себя, есть дѣло—непривычное намъ. А между тѣмъ, какъ важно и благодарительно бы было для насъ, еслибы это привлеченіе себя и своей души на внутренній судъ стало обычнымъ для насъ дѣломъ, еслибы ни одного желанія, ни одного чувства, гнѣмъ болѣе—ни одного дѣла не оставляли мы безъ оцѣнки съ точки зрѣнія евангельскихъ завѣтовъ. Какая бы это великая сила была въ нашей нравственной жизни, какъ легко создавалось бы тогда столь нужное для насъ, но, къ несчастію, такъ часто отсутствующее у насъ христіанское настроеніе; а главное—какъ укрѣпляло бы это нашу слабую, дряблую и дѣлѣ борьбы съ грѣхомъ волю на пути къ добру! Не такъ легко отдавались бы мы во власть мимолетныхъ желаній, не такъ легко становились бы рабами своихъ страстей, если бы имѣли внутренній судія—совѣсть и законъ евангельскій—стояли всегда предъ нашими глазами, еслибъ знали мы, что тотъ судія нынѣ же потребуетъ насъ къ суду. Мы любимъ иногда уподобляться неразумному евангельскому богачу и говорить душѣ своей: „душе, яждь, пій, и веселися, имаши бо многа блага“ (Лк. XII, 19). Но насколько полезнѣе бы было для насъ, еслибы мы обращались къ своей душѣ съ требованіемъ отчета, если бы каждый день, хотя бы тогда, когда отходимъ мы ко сну, мы звали свою душу на судъ и такъ говорили ей: „отвѣть, душа, что сдѣлала ты сегодня, отъ какого порока исцѣлилась, какое зло побѣдила, какое добро совершила; не обидѣла ли кого, не позавидовала ли

XXXVI ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

кому, не устремилась ли желаніемъ къ чему-нибудь порочно-му, тѣмъ паче—не совершила ли чего либо грѣховнаго, не поклонилась ли ты какому земному кумиру, Богу или мамонѣ; служила ты, отвѣть, дабы я зналъ, радуются ли днесь ангели на небеси о моемъ приближеніи къ Богу, или скорбятъ и плачутъ о моемъ удаленіи отъ Него; ликують ли они о моемъ возстаніи, или сокрушаются о моемъ паденіи“? О, какое благо было бы для насъ, если бы такъ говорили мы душѣ своей, если бы ежедневно мы осматривали храмъ души своей, если бы тщательно слѣдили, чтобы въ ней все было чисто и опратно. Но не любимъ мы обычно этого внутренняго контроля надъ собой: намъ тягостенъ и неприятенъ этотъ подвижъ бдѣнія надъ своей душой. Намъ кажется тяжелымъ жить подъ игомъ евангельскаго закона и мы, подобно евангельскому блудному сыну, ежечасно и ежеминутно уходимъ „на страну далече“ отъ Голгоѣи и Евангелія Христова, туда, гдѣ царятъ „похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская“ (1 Иоанн. II, 16). Великая, но скорбная Голгоѣа съ ея узкимъ тернистымъ путемъ не такъ манитъ наше, охладѣвшее ко всему высокому и чистому сердце, какъ широкія, многообѣщающія объятія міра съ его скоропреходящими, но легко дающимися прелестями, съ его тлѣнными, но грѣховно настроенной душѣ пріятными благами и удовольствіями. Но этого мало. Мы не только освобождаемъ себя отъ внутренняго суда, но дерзаемъ еще оправдывать себя, если голосъ совѣсти обличаетъ насъ. „Мы, вѣдь, не духи безплотные, говоримъ мы тогда, а земныя, тѣломъ обладающія существа; отчего бы намъ иногда немножко и не погрѣшить—пожить въ свое полное удовольствіе, не думая, что это запрещено, что это не позволено. Неужели намъ дана жизнь для того, чтобы мы вѣчно только плакали и сокрушались о грѣхахъ. Вѣдь это, въ концѣ концовъ, скучно, а жизнь то уходитъ; пожалуй, не уснѣемъ и насладиться ей. Да и какіе ужъ особенные грѣхи мы дѣлаемъ? Мы не грабимъ, не убиваемъ,

никакихъ страшныхъ преступленій не совершаемъ, а живемъ, какъ все люди живутъ“. Такъ обычно убаюкиваемъ мы свою слѣдую, немощную совѣсть. И не подумаемъ мы, что, вѣдь, и природитель нашъ въ рай никого не убилъ и никакого страшнаго преступленія (съ нашей точки зрѣнія) не сдѣлалъ. Но взглянемъ, братіе, на Голгоѳу, поймемъ, какой дорогой цѣны потребовалъ грѣхъ Адамовъ для искупленія своего, поймемъ, ужаснемся и устыдимся своихъ безумныхъ рѣчей: то холодность наша, то неразуміе наше побуждаетъ насъ говорить такія рѣчи. Мы просто потеряли нравственную чувствительность, мы просто заглушили въ себѣ боязнь грѣха, мы просто спутали грани дозволеннаго и недозволеннаго, просто „духа Христова“ въ насъ нѣтъ. И сбывается на насъ слово апостольское: „аще кто духа Христова не имать, сей нѣсть црковь“ (Римл. VIII, 9)...

„Мы ничего особенно не сдѣлали“, говоримъ мы. *А что мы сдѣлали хорошаго*, что сдѣлали такого, чтобы стать достойными именоваться причастниками великой Голгоѳской Жертвы?—вотъ на что лучше пусть отвѣтитъ каждый изъ насъ. Вѣдь и за cadaго изъ насъ пролита эта драгоценная кровь Единороднаго Сына Божія, вѣдь за cadaго изъ насъ ягготъ терновый вѣнецъ, колючими шипами вонзающійся въ Дожествонное чело, вѣдь за cadaго изъ насъ эти длани и стѣпны Господни, пронзенныя гвоздьми, эти божественныя ребра, прободенныя кошіемъ... А мы еще дерзаемъ говорить, что мы ничего плохого не сдѣлали, а мы еще думаемъ, что если мы разъ-другой сходимъ въ церковь, да копеечку подвѣдимъ, то ужъ и исполнили все, что требуется отъ насъ...

Мы видѣли уже, какую невысокую цѣну имѣютъ наши релігіозныя упражненія. Не больше значать предъ судомъ правосудія и тѣ копеечки, коими мы благотворимъ и которыми оценимы только, кажется, мы и ограничили исполненіе великаго Христова закона о любви къ ближнему. Да, мы благотворимъ, иногда громко благотворимъ. Но столько ли мы даемъ, сколько можемъ дать, и такъ ли, съ тѣмъ ли настрое-

XX XVIII ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

нiемъ, съ какимъ должны дать?—вотъ вопросъ, на который пусть отвѣтитъ совѣсть каждаго изъ насъ. И если бы на этотъ вопросъ мы отвѣтили утвердительно, то самая мало-плодность нашихъ благотворенiй обличила бы насъ, что мы „себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ“ (1 Иоанн. I, 8). Мы благотворимъ, а между тѣмъ бѣдные Лазари, въ голодѣ и холодѣ влачащiе жизнь свою, плодятся среди насъ все болѣе и болѣе; мы благотворимъ, а бездна между нашей сытостью и довольствомъ, съ одной стороны, и ужасами окружающей насъ нужды, съ другой—растетъ все болѣе и болѣе; мы благотворимъ, а слезы и горе людскiя, этой нуждой вызываемыя, льются по землѣ все обильнѣе и обильнѣе, а стоны и проклятiя пасынковъ жизни раздаются кругомъ все громче и громче. Очевидно, дѣло благотворенiя совершается нами какъ то не такъ; очевидно, нашей благотворительности чего-то недостаетъ; очевидно, въ самой жизни нашей есть что-то такое, благодаря чему великое дѣло благотворенiя оказывается въ нашей жизни случайнымъ дѣломъ, съ общимъ настроенiемъ души нашей не связаннымъ и почвы для принесенiя должныхъ плодовъ въ основахъ нашей жизни не имѣющимъ. И это понятно. Дѣло благотворенiя—есть высокое христіанское дѣло, а въ основахъ нашей общественной жизни лежитъ не христіанское чувство братской любви, которое одно только можетъ дать силу нашей благотворительности, а начало, совершенно противоположное этому чувству—себялюбивая мысль о личномъ благоденствiи и личномъ благополучiи. „Лишь бы мнѣ было хорошо, а до другихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла“—вотъ вѣдь самое модное, самое ходячее моральное правило нашего вѣка. Судите сами, братiе, много ли въ этомъ правилѣ христіанскаго и можетъ ли при такомъ общемъ настроенiи быть многоплодной наша благотворительность!

О, да, я знаю, братiе, есть, есть еще и среди насъ, слава Богу, люди, не о себѣ пекущiеся, а отдающiе всю жизнь

свою ближнимъ, для ихъ блага, есть еще и среди насъ люди, способные изъ любви къ человѣку „душу свою положить за други своя“, по завѣту Христа. Но много ли ихъ? Да и что могутъ сдѣлать эти истинные подвижники христіанской любви среди того царства себялюбія, вражды, обмана, коварства, насилія, какимъ представляется чистому христіанскому сознанію наша жизнь?...

Итакъ, братіе, ни въ области нашей религіозной жизни, ни въ области нашей личной и общественной нравственности, ни въ области нашихъ отношеній къ людямъ—подлинно христіанскаго настроенія не оказывается. Можно говорить, что мы высоко-культурные люди, что инстинктъ общественности у насъ развитъ, можно утверждать, что въ отдѣльных случаяхъ и въ отдѣльных личностяхъ мы способны и къ высокимъ порывамъ, даже къ подвигамъ истинно-христіанской любви, но, чтобы въ основахъ нашей жизни личной и общественной лежало христіанское настроеніе, какъ главное руководящее начало, какъ постоянный, общій законъ, чтобы мы не по имени только, не по внѣшности только всей, а и по внутреннему настроенію своему были истинными послѣдователями Христа,—сказать этого мы, по совѣсти, не можемъ.

Но неужели, братіе, у насъ нѣтъ ни сознанія необходимости, ни желанія воспитать въ себѣ это христіанское настроеніе? О, нѣтъ, братіе—не думаю. Наоборотъ, а думаю, что многіе изъ насъ скорбятъ объ отсутствіи этой великой силы у себя и въ жизни людей, что каждый изъ насъ желалъ бы приобрести эту силу. Но въ томъ то и горе наше, что „еже хотѣти прилежитъ“ намъ, а „еже содѣлати“—не обрѣтаемъ (Римл. VII, 18.). Ужъ очень воля то у насъ дриблая, расшатанная, къ борьбѣ неспособная. А безъ борьбы воспитать въ себѣ христіанскую настроенность нельзя. Этой борьбы требуетъ уже тотъ подвигъ постоянного блѣнія надъ собой, который является однимъ изъ главныхъ усло-

XL ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

вій приобрѣтенія въ душѣ христіанскаго настроенія. Къ этому трудному подвигу мы считаемъ себя совершенно неспособными и потому легко отказываемся отъ него. Это, съ одной стороны. Съ другой стороны, намъ представляется, что, если мы постоянно будемъ слѣдить за собой, то жизнь наша потеряетъ ту красоту и непосредственность, какую мы ищемъ въ ней, а міръ—ту прелесть и то обаяніе, какими онъ дорогъ намъ. Но ни то, ни другое опасеніе неосновательны. Подвигъ контроля своихъ мыслей, чувствъ, желаній и дѣйствій труденъ только вначалѣ, но по мѣрѣ укрѣпленія воли въ добрѣ, по мѣрѣ очищенія души отъ плевелъ, посягающихъ грѣховными вождельніями, подвигъ этотъ становится все легче и легче, а плоды его все обильнѣе и обильнѣе. Напрасно и опасеніе наше, что прелести міра и жизни потеряютъ для насъ свою цѣну. Да, грѣховныя прелести міра сего не будутъ уже имѣть цѣны въ нашихъ глазахъ, зло, котораго много въ мірѣ, не будетъ уже прельщать насъ, но самый міръ, какъ Божіе созданіе, какъ наше земное обиталище, но самая жизнь, какъ высокій даръ Божій намъ, не только не обезцѣнятся въ нашихъ глазахъ, но, наоборотъ, освѣтятся новымъ свѣтомъ, засіяютъ въ очахъ нашихъ новой красотой, станутъ для насъ источникомъ новыхъ, чистыхъ и высокихъ наслажденій; и блага міра будутъ такъ же доступны намъ, и земныя радости и земныя удовольствія будутъ такъ же посѣщать насъ и освѣжать нашу жизнь. Вѣдь христіанство вовсе не требуетъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они все отрекались отъ міра и закрывали глаза на его красоты—„могій вмѣстити, да вмѣстити“. Вѣдь нашъ идеалъ Христосъ, не только Страдающій на Голгоѣ, но и Воскресшій изъ мертвыхъ и побѣдившій смерть. Потому то и христіанину должна быть вѣдома не только скорбь страданія со Христомъ, но и радость воскресенія съ Нимъ. Пусть это—радость, прежде всего духовная

но она не может не простираться и на область тѣлеснаго. И если въ самой природѣ своей мы совмѣщаемъ земное тѣло съ небесной, безсмертной душой, то, очевидно, это земное съ небеснымъ мы не можемъ не совмѣщать и въ своей жизни. Нужно только, чтобы мы умѣли совмѣщать въ себѣ и въ своей жизни это „земное“ съ „небеснымъ“ такъ, дабы „небесное“ въ насъ этимъ совмѣщеніемъ не оскорблялось, чтобы, и наслаждаясь земнымъ, мы всегда знали и чувствовали грань дозволеннаго и недозволеннаго, чтобы мы всегда помнили великое слово Апостола: „вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу; вся ми лѣтъ суть, но не вся назидаютъ; вся ми лѣтъ суть, но да не обладанъ буду отъ чего“ (1 Кор. X, 23). Важно, чтобы, живя въ мірѣ, мы никогда не забывали, что на землѣ мы все же „странники и пришельцы“ (1 Петр. II, 11), временные обитатели, призванные здѣсь приготовить себя для вѣчности.

Конечно, не легко производить постоянный выборъ дозволеннаго и недозволеннаго; нелегко бороться съ тѣми глубокими вліяніями, которыя гнѣздятся и въ самомъ человѣкѣ и окружаютъ его со всѣхъ сторонъ совнѣ. Его ждетъ въ жизни на каждомъ шагу опасность паденія, но бояться паденія—это лучшее средство предохранить себя отъ паденія, и если намъ суждено уже пасть, то лучше пасть, борясь до послѣдней силы и возможности, чѣмъ отдаться грѣху не только безъ борьбы, но съ любовію къ нему, какъ дѣлаемъ это обычно мы. Конечно, трудно бѣдному, слабому человѣку бороться съ мощнымъ врагомъ своей души—грѣхомъ. Но да не смущается сердце твое, христіанинъ. Ты не одинокъ въ мірѣ. Съ тобой Христосъ, Спаситель Твой, за тебя возшедшій на Крестъ, надъ тобой Небесный Покровъ Владычицы міра, съ тобой сонмы святыхъ, съ тобой молитвы и благодатные дары Христовой Церкви. Словомъ, тебѣ даны всѣ силы и средства, „яже къ животу и благочестію“. И если время

XLII ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

искушеній тяжко ополчится на тебя, если борьба съ ними станетъ тебѣ непосильной, если, несмотря на искреннее желаніе твое насадить духъ Христовъ въ сердца твою, чары грѣховной жизни будутъ манить тебя, и ты будешь уже готовъ отдаться на ихъ призывъ,—припади къ выну простертой надъ тобою десницѣ Всевышняго, склони выю свою предъ образомъ Распятаго за тебя, скажи Ему отъ всего сердца: „Господи! немощенъ я, безсиленъ я; помоги мнѣ, грѣшному!“—И сила Божія въ немощахъ твоихъ совершится. А вотъ образъ нашей Небесной Заступницы—иди къ нему, пади и изъ глубины души воззови: „Владычице! помози, на мя милосердствующи! Потщися, погибаю отъ множества“ соблазновъ и искушеній, обуревающихъ мя! И прострется державный Покровъ Царицы Небесной надъ тобою; и снова окрѣпнетъ митущаяся душа твоя. А паденіе совершится, а грѣхъ будетъ содѣянъ—и здѣсь еще не все потеряно для тебя. Иди къ служителю алтаря, обиченному властью благодатною, пріившему право вязать и рѣшить, иди, излей предъ нимъ свою душу, пролей покаянныя слезы о содѣянномъ грѣхѣ твою, пострадай душой за этотъ грѣхъ—и властью, іерею данною, сниметъ онъ съ тебя грѣхъ твой, и напитаетъ тебя Пищею Небесною, св. Тѣломъ и Кровію Христовыми, и придеши ты въ домъ свой оправданнымъ, съ убѣжденной совѣстью, съ просвѣтленной душой. Но пусть не мимолетными будутъ эти переживанія души твоей, пусть свѣтъ ихъ вѣчно хранится въ душѣ твоей, пусть будутъ они постояннымъ твоимъ сокровищемъ, которое страшно было бы тебѣ потерять, бѣдой, дорогой одеждой, которую больно бы было тебѣ запятнать. Тогда благо тебѣ будетъ: духъ Христовъ вселится въ тебя и не по имени только, но и по душѣ твоей и по жизни твоей ты будешь истиннымъ и вѣрнымъ послѣдователемъ Его...

Возлюбленные братіе! Нли́ болѣе, чѣмъ когда либо, намъ нужно подумать объ улучшеніи души своей и жизни

ной, нынѣ, болѣе, чѣмъ когда либо, намъ нужно позаботиться о томъ, чтобы стать намъ христіанами не по имени только, а и по душѣ своей. Тяжкое испытаніе послалъ Господь намъ, и обильно излилась на насъ чаша Его праведного гнѣва. Семь мѣсяцевъ уже льется на поляхъ бранныхъ кровь братьевъ нашихъ, семь мѣсяцевъ уже живемъ мы подъ страшнымъ кровавымъ кошмаромъ, тяжело опустившимся на землю нашу, по волѣ Божіей. Какъ выйдетъ Русь изъ этого тяжкаго испытанія, ниспосланнаго ей, какія страсти развернутся въ ея исторіи въ ближайшемъ будущемъ, — нѣсть наше разумѣти: все въ волѣ Божіей, на которую и возложимъ упованіе свое. Но не будемъ и сами беспечными и нерадивыми. Вѣдь и наша жизнь впишется въ будущія страницы нашей родины, вѣдь и отъ насъ многое немало зависитъ, чтобы страницы эти были свѣтлыми. Пусть же, братіе хоть теперь, въ годину бѣды осмотримъ себя и сознаемъ свои духовные недуги. И пусть каждый изъ насъ нынѣ же начнетъ великое дѣло перевоспитанія души своей, внѣдренія въ ней высокихъ христіанскихъ чувствъ и осуществленія великихъ евангельскихъ завѣтовъ; пусть каждый прежде всего въ сердцѣ своемъ положитъ этотъ первый камень будущей нравственно-крѣпкой и подлинно-христіански настроенной Россіи. Тогда и ужасы современной намъ жизни пріобрѣтутъ для насъ особый смыслъ. Мы укрѣпимъ въ нихъ не только Божій бичъ, карающій насъ за грѣхи наши, но и освѣжающую бурю; не только чашу гнѣва Божія, но и купель нравственнаго очищенія и возрожденія. И сіе буди! буди! Аминь.

В. Фаминскій.

